

Глава 1

КАРПАТЫ, ИЮЛЬ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО

Стрельба впереди понемногу смолкала. Прозвенела, набирая высоту, мина, и взорвалась, раскидав сноп камней. Отстучала одна-другая пулеметная очередь, хлопнули несколько выстрелов, и наступила временная тишина.

К старшему лейтенанту Чистякову, командиру батареи тяжелых самоходно-артиллерийских установок СУ-152, подошел танковый комбат Антон Болотов.

— Ты видел? Разведка накрылась.

Капитан мог бы об этом не сообщать, Александр Чистяков наблюдал все сам. Головная «тридцатьчетверка» получила попадание в лоб и сразу вспыхнула. Вторая машина крутнулась, уходя от удара, но болванка врезалась в башню, сорвав ее с погона. Механик-водитель сумел загнать танк под скалу, однако «тридцатьчетверка» поймалала еще один снаряд.

Третья машина во взводе разведки, легкий Т-70 горел посреди извилистой каменистой дороги, рядом лежало тело одного из танкистов, комбинезон на нем дымился, а затем вспыхнул.

От «тридцатьчетверки» с накренившейся башней, прижавшейся к скале, бежал стрелок-радист.

Механик оставался возле полуразбитой машины с сорванной гусеницей. В руках он держал автомат и наблюдал за поворотом. Командир танка и башнер, видимо, погибли. Стрелок-радист, тяжело дыша, пытался доложить о случившемся, но из горла вырывалось лишь хрипение.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил капитан Болотов.

— Воды ему дайте, — хмуро посоветовал Александр Чистяков. — Пусть отдышится.

Старшему лейтенанту не нравилась торопливость, с которой комбат сунул в эту дыру между скал танковый взвод. Немецкая артиллерия разнесла его в считанные минуты. Хорошо, хоть роту не бросил!

Наконец отдышавшийся радист доложил, что командир танка погиб, а башнера всего смяло, лежит без сознания. Машина вышла из строя, уцелел лишь курсовой пулемет.

— На хрен мне твой пулемет! — переступал с ноги на ногу Антон Болотов. — Кто стрелял по вам? Сколько огневых точек видел?

— Стреляли, — кивнул контуженный паренек. — Шарахнуло так, что я на минуту отключился. Очухался, а сверху кровь течет. Лейтенанта снарядом разорвало.

Радист снял танкошлем. Волосы на затылке слиплись от крови, пальцы сбиты. Что он мог видеть в своем закутке рядом с рацией через узкую смотровую щель?

— Слушай, Болотов, ты бы людей послал башнера вытащить, — сказал Чистяков.

Капитан отдал распоряжение, и вдоль скалы побежали к «тридцатьчетверке» двое санитаров.

— Дырка от снаряда большая? — спросил старший лейтенант.

— Средняя... вот такого размера. Но броню пробила, и лейтенанта, считай, на две половинки.

Парень стал показывать на пальцах примерный калибр немецкого снаряда. Выронил шлем, а когда стали его поднимать, шатнулся и едва не упал. Радиस्ता подхватили и уложили на куртку. Санинструктор, быстро оцупав тело, сказал:

— У него сотрясение мозга и ребра сломаны. В санроту надо срочно.

— Уносите, — отмахнулся комбат.

Мгновенная гибель разведки вызвала у Болотова растерянность и одновременно раздражение.

— Пушка калибра 75 миллиметров сработала, — заметил Чистяков.

— Какая теперь разница? Три машины в момент. Вот сволочи.

— Разница в том, что если там орудие «восемь — восемь» установлено, то к нему не подсунешься. Впрочем, на таком расстоянии и «семидесятипятка» любую броню возьмет.

Тем временем немецкие минометчики исхитрились и запустили несколько мин, стараясь достать подбитый танк. Машину защищала скала, но фосфорный заряд разлетелся о камни шагах в десяти от «тридцатьчетверки».

Комки горячей зеленой массы усеяли дорогу, шипя пожирали краску на борту танка. Механик-водитель, судя по всему, не из робких, спихивал их с брони подобранной веткой. Ветка вспыхнула, как факел, обдав брызгами механика. Тот с руганью отбросил ее прочь. Санитаров, резво тащивших на

носилках раненого, обстреляли из пулемета. Пули их не достали, но прошли совсем рядом, выбив фонтанчики искр из битого в крошево камня.

Санитары шарахнулись ближе к скале, едва не выронив носилки. С минуту стояли неподвижно.

— Чего застыли? — крикнул Болотов. — Бегом!

Тем временем механик, кого-то увидев, дал несколько очередей из автомата. В ответ снова заискрилась от пуль каменистая дорога.

— Добьют они его или в плен возьмут, — закуривая, проговорил Чистяков. — Группа подберется, мы их и не увидим за танком. Дай команду поджечь машину, ее под огнем не вытащишь. А парень пусть уходит, пока не поздно.

— Разбросался ты чужими танками, — огрызнулся Болотов. — Исправную машину бросать. Надо...

Закончить фразу комбат не успел. Немцы все же подобрались к «тридцатьчетверке». Механик их разглядел, дал очередь и, бросив в люк гранату, стал отступать вдоль скалы. Граната танк не подожгла, а немец в массивной каске догнал механика-водителя длинной очередью. Все это происходило на глазах у командиров и кучки десантников.

— Стреляйте, чего ждете? — закричал Болотов. — Танк поджечь!

По немцу открыли огонь из автоматов и пистолетов, но фриц хладнокровно добил механика. Штурмовая группа, не сумев взять русского танкиста живьем, заложила мину и скрылась. Раздался взрыв, сдетонировал запас снарядов, башню сорвало, из круглого отверстия хлестало пламя.

Кто-то матерился, кто-то продолжал стрелять непонятно куда. Танк был обречен, это понимали все. А вот механика-водителя можно было спасти.

Прорыв «Зверобоев». На острие танковых ударов

— Ну что, еще один взвод по дороге пустишь? — ядовито спросил старший лейтенант Чистяков, разозлившись на комбата за гибель смелого парня, защищавшего до последнего свой полуразбитый танк.

— Может, и пуцу, — завелся Антон Болотов. — Под прикрытием твоих «зверобоев». У них броня в два раза толще.

— Хрен я тебе своих ребят гробить дам. Башкой сначала надо поработать, а потом лезть.

Конечно, разведка была необходима, однако капитан Болотов явно поторопился. И без того было ясно, что основная дорога простреливается насквозь, а возвращения двух мотоциклетных разведгрупп, посланных на фланги, не дождалось.

В очередной раз сказалась спешка, вечное «дай-дай!», угробившая за войну огромное количество солдатских жизней. И вот сегодня за несколько минут сгорели три танка, и снова проклятая спешка унесла жизни еще девяти человек. Командир десантной роты как предчувствовал, сняв своих людей с брони. А то бы не девять, а все тридцать накрылись.

Наступление 1-го Украинского фронта, которое в штабных документах именовалось как Львовско-Сандомирская наступательная операция, начиналось в целом успешно. За первые два дня с 13 июля сорок четвертого года войска продвинулись с боями на 20—30 километров. Для горной местности это было не так плохо, хотя потери несли большие.

Южнее, на Львовском направлении, наступление тормозилось. Горная местность, бетонные укрепления, высокая плотность артиллерии вермахта. Там сгорали, как в топке, целые полки и батальоны. Командующий фронтом маршал Конев вводил в действия новые подразделения, не считаясь с поте-

рями. Чего на них оглядываться, когда есть приказ Верховного!

Командование всех уровней торопило войска. Танковому батальону с двумя десантными ротами, предписывалось выбить хорошо укрепленный немецкий заслон с каменистого гребня, который держал под обстрелом извилистую горную дорогу. В помощь была придана батарея тяжелых самоходок.

Хорошо сказано: выбить врага решительным ударом, двигаться дальше, а следом уже готова развивать наступление мотострелковая бригада, пехотный полк и еще какие-то части.

— Товарищ комбат, — махал Болотову танкист. — Из штаба вас вызывают.

На связи был командир танкового полка Полищук.

— Ну, вы долго там копаться будете? — шипело и трещало в трубке. Рация в горах работала плохо. — Я что-то не вижу ваших коробочек на холме.

— Принимаем все меры, товарищ подполковник, — отозвался комбат. — Разведка вступила в бой, потеряли три машины. Группируемся.

Болотов, сознательно или не задумываясь, говорил неправду. Никакого боя, если не считать смелого отпора погибшего механика-водителя, не было. Танки просто расстреляли.

— Быстрее группируйтесь, — не стал вдаваться в детали командир полка. — Сил у тебя достаточно. Артподготовку провели, авиация отбомбилась. Чего тебе еще надо? Действуй и не тормози остальных. Выполняй приказ.

Вернулись разведгруппы на мотоциклах. Обе были обстреляны, погиб один боец. Старшие групп жаловались, что на мотоциклах тут не покатаешься. Сплошные камни и стреляют со всех сторон. Кроме жалоб, сержанты толково показали на карте еще одну дорогу, по которой можно подобраться к гребню и немецким укреплениям. Офицеры склонились над картой. В совещании принимали участие также командиры десантных рот и начштаба батальона.

Артиллерийская подготовка была проведена так себе. Гаубицы стреляли издалека и особого урона немцам не нанесли. А про бомбежку командир полка мог и не вспоминать. Налетела шестерка штурмовиков, сбросила двенадцать стокилограммовых бомб, выпустила ракеты и спешно ушла, не дожидаясь «мессершмиттов». наших истребителей для прикрытия не хватало.

Александр Чистяков после окончания учебных курсов воевал с мая сорок второго года. Начинать службу в артиллерии. Несмотря на молодой возраст (в январе исполнилось двадцать один), был опытнее большинства других командиров. Понял сразу, что единственный путь к высоте и немецким укреплениям проходит для наступающих частей по основной дороге, и миновать ее не удастся.

Вторая дорога, которую имели в виду разведчики, представляла из себя колею, пробитую повозками и лошадьми. По ней передвигались когда-то люди, предпочитавшие делать свои дела скрытно.

По ней можно было с риском двинуть пару самоходок и танковой взвод, чтобы нанести удар с фланга. Тащить весь батальон с десантом было бы слишком опасно.

Совещание толклось на одном месте. Оба командира десантных рот потихоньку хлебнули водки и заявили, что у их бойцов брони нет, в мясорубку они не полезут.

— Давайте подведем итог, сколько их и чем фрицы располагают, — не выдержал Чистяков.

Загибая пальцы, начали перечислять данные разведки и свои наблюдения. Пушечный и два пулеметных дота, закопанный в землю танк, две-три противотанковых 75-миллиметровки, тоже хорошо упрятанные в каменных капонирах. Несколько минометов, пулеметные гнезда. Этих сил хватит, чтобы перекрыть дорогу, а, уничтожив еще пару машин, наглухо перекрыть ее.

Капитан Болотов, кивая, выслушал предложение Чистякова зайти во фланг по обнаруженной разведкой колее и прямой наводкой уничтожить доты, артиллерию и закопанный танк.

— Танковый взвод ты мне выделяешь, — скорее не спрашивая, а утверждая, глядел на Болотова старший лейтенант.

— Ну, выделяю...

— С собой я возьму самоходку лейтенанта Щукова. Третья останется с батальоном. Когда мы подавим основную часть артиллерии, дам сигнал ракетами. Двинешь батальон по дороге и добьешь остатки.

— Мне не остатки добивать, а вперед двигаться, — недовольно буркнул комбат Болотов. — Справишься сам со своими «зверобоями». У тебя калибр шесть дюймов да еще три танка в придачу.

— Ладно, видно будет, — не стал продолжать спор Чистяков.

Антон Герасимович Болотов начал службу еще в начале тридцатых годов в кавалерии. В сороковом году закончил полный курс танкового училища. Служил в Юго-Западном военном округе и принял участие в первых летних боях.

Отступал, видел, какие потери несут наши части, действуя несогласованно, хотя и смело. Болотов, тогда командир взвода, хорошо запомнил, как комбриг приказал поджечь два десятка исправных танков (в том числе новейшие Т-34) — закончилось горючее и почти не оставалось боеприпасов.

Уходили, оглядываясь на огромный костер, уносили на плечах снятые с машин пулеметы. В сорок втором, после тяжелого ранения, Болотов служил в ремонтном батальоне, затем получил роту. А месяц назад неожиданно стал комбатом.

Командир полка Полищук пошел на этот шаг из-за острой нехватки опытных офицеров. А у Болотова какой-никакой опыт имелся. Кроме того, он не умничал, не лез с ненужной инициативой и приказы выполнял без лишних разговоров.

В разговорах с начальством бывший кавалерийский старшина Болотов больше молчал. В боях за спины подчиненных не прятался, хотя в принятии решений был медлительный.

Пока стояли в резерве, Болотов привел в порядок, починил, покрасил танки, организовал учебу механиков-водителей. Когда на полковом смотре занял первое место, Полищук приблизил его к себе, хвалил. Даже намекал на будущую должность зам-потеха полка. Вечный командир взвода Антон Герасимович Болотов воспрянул духом, стал покрикивать на подчиненных. Особенно на тех, кого считал

слишком грамотными. К числу таких был отнесен и старший лейтенант Чистяков.

Начавшееся наступление показало, что по своим деловым качествам до уровня командира танкового батальона Болотов не дотягивает.

Уже на второй день, пустив колонну по открытой местности, нарвался на эскадрилью истребителей-штурмовиков «Фокке-Вульф-190». Две машины сгорели от попаданий бомб. Две другие, поврежденные, Болотов сумел за ночь восстановить.

И вот сегодня, еще не начав бой, он лишился трех танков и трех лучших экипажей разведчиков. Сейчас его преследовало видение, что на этой проклятой извилистой дороге сгорит, как в ловушке, весь батальон. Он слышал, случалось такое. Тогда только и остается, что пулю в лоб. Но ведь ждет жена, трое детей.

— Если по дороге... по дороге наступать, — выдал растерянный комбат навязчивую мысль, — батальон потеряем.

— А две сотни десантников? О них ты подумал? — напирала командиры пехотных рот.

Пустые разговоры всем уже надоели. Звонили из штаба дивизии, торопили. Поинтересовался, как идут дела, и командир тяжелого самоходно-артиллерийского полка Пантелеев.

Чистяков, в отличие от Болотова, вел себя более решительно, да и Пантелева знал давно, еще с военного училища в Челябинске. Вместе с очередным выпуском Иван Васильевич Пантелеев ушел на фронт, с тех пор воевали вместе.

— Товарищ подполковник, — доложил он, — этот гребешок еще та штучка. В лоб его не возьмешь.

Нашли тут обходную дорогу. Все детали обсудили, выступаем.

Капитану Болотову оставалось только кивнуть. Тем более в спину ему дышала мотострелковая пехотная бригада на своих «ЗИСах» и «студебеккерах», нетерпеливо ожидавшая, когда танки и самоходки прорвут очередной узел немецкой обороны.

Разведанная колея оказалась хуже, чем ожидал Чистяков. По существу, это было скопление камней, бугров и даже трещин, шириной до метра. В одном месте предстояло круто разворачиваться на краю обрыва, и Александр с трудом переборол желание вылезти из машины. Тем более три танка, идущие впереди, благополучно миновали опасный поворот.

Но самоходки весили сорок шесть тонн, а «тридцатьчетверки» лишь двадцать семь и были более маневренные. На таком подъеме многое зависело и от механиков-водителей.

Механик в машине командира батареи, старшина Матвей Колесник дело свое знал, был спокоен и взвешен. В самоходке, которой командовал лейтенант Миша Щуков, механик тоже воевал давно и машиной управлял умело.

Лишь бы не появились самолеты. Танки и самоходки на узкой колее не имеют возможностей для маневра, и дело может закончиться плохо.

Здесь, на холмах Подольской возвышенности (северной оконечности Карпатских гор), с утра обычно наплывал туман. Сейчас он рассеялся, и на смену ему шли облака.

Если начнется дождь, тяжелым машинам придется на размокшем подъеме несладко. Вот и думай, что выгоднее. Ясная погода и риск нарваться на немецкие самолеты или скользкая земля. Лучше не загадывать!

Впереди взревел на полных оборотах двигатель «тридцатьчетверки». Из-под быстро вращающихся гусениц ползла земля вперемешку с камнями. Механик дал слишком сильный газ. Танк развернуло поперек колеи и потащило вместе с землей прямо на самоходку Чистякова.

— Он что творит, мля! — орал Колесник, давая задний ход.

«Тридцатьчетверка» завалилась в яму, двигатель заглох. Чистяков выскочил наружу. Танк порвал гусеницу и накренился набок. Подбежал взводный, обматерил командира «тридцатьчетверки».

— У меня стрелок-радист руку сломал, — вытирая пот с лица, твердил младший лейтенант.

— Лучше б ты башку свернул, — надрывался Колесник, чудом избежавший столкновения. — Нас едва под откос не толкнул.

На машинах оставили по пять-шесть десантников. Они успели вовремя спрыгнуть и не пострадали. Сейчас они растерянно топтались вокруг.

— Занять места на других машинах, — приказал Чистяков. — Радисту оказать помощь, экипажу устранять повреждения.

Уходило время. Они и так потеряли его слишком много. Пять машин приближались к повороту, за которым будут видны немецкие укрепления. Лишь бы не преградила путь какая-нибудь широкая трещина или провал. Если мотоциклисты не провери-

ли путь до конца, то вполне можно ждать чего-то подобного.

Головной танк остановился. Взводный добежал до поворота, затем вернулся и почему-то шепотом доложил Чистякову:

— Можно проехать. Укрепления как на ладони.

Старший лейтенант сходил сам, осмотрел в бинокль немецкие позиции. Было решено, что самоходка Михаила Щукова открывает огонь по пушечному доту, а Чистяков уничтожает закопанный в землю Т-4, цель едва заметную, но опасную. «Тридцатьчетверки» ведут огонь по артиллерийским капонирам.

Машины миновали поворот, узкую полосу сосняка и открыли огонь с коротких остановок. Снаряд, выпущенный самоходкой Чистякова, взорвался перед торчавшей из земли башни танка Т-4 с длинноствольным орудием. Машину встряхнуло взрывной волной, ствол орудия согнуло.

Серая бетонная коробка пушечного дота сливалась с такой же серой скалой. Дот немецкие специалисты построили, не жалея первосортного цемента. Фугасный снаряд весом сорок три килограмма рванул с такой силой, что посыпались вниз отколотые куски скалы.

Двадцатилетний лейтенант Миша Щуков, пришедший из гаубичного полка, где воевал около года, имел неплохой опыт и стрелял довольно точно.

В метре над амбразурой образовалась выемка. От нее змеилась вниз, к темному отверстию с торчавшим пушечным стволом, извилистая трещина. Вложить еще один снаряд в это же место, и бетон лопнет.

Лейтенант Щуков целился в амбразуру, попасть в которую с шестисот метров, да еще под начавшимся ответным огнем, было не просто. Второй фугас прошел впритирку над серой коробкой дота и, разметав уступ скалы, завалил крышу грудой камней.

Узкая амбразура на мгновение осветилась вспышкой ответного выстрела. Подкалиберный снаряд расплющился о толстую лобовую броню, а раскаленный вольфрамовый сердечник, разогнавшийся до скорости девятисот метров в секунду, прошел металл, тело лейтенанта Щукова и врезался в боеукладку.

Зашипел и вспыхнул порох в объемистой гильзе. Заряжающий сделал попытку выбросить ее в открытый люк. Вспышка сожгла рукавицы, мясо на руках до костей, а рядом вспыхивали пороховые заряды в других шестидюймовых стаканах.

Пламя живьем пожирало заряжающего, добило наводчика, а через минуту рванули фугасные боеголовки.

Успел выскочить лишь механик-водитель. Взрыв разорвал рубку по швам, раскидав все, что находилось внутри: куски человеческих тел, смятые гильзы, мелкие обломки. Вспыхнула нагретая солярка, поглотив разбитую машину куполом маслянистого дымного пламени.

— Мишка накрылся! — кричал заряжающий в машине Чистякова Василий Манихин.

Танк, в который они стреляли, стоял в своей яме со свернутым стволом. Добивать его времени не оставалось. Дот, хоть и получил крепкое попадание, ударил из своей «семидесятипятки», целясь в машину Чистякова.

В сумрачной тени окружающих скал огненный шар прочертил искристую полосу от щели дота и до борта самоходки. Удар встряхнул тяжелую машину, а светящаяся от жара болванка, отрикошетив от боковой брони, с воем ушла в ущелье.

— Федор, бьем по доту! — выкрикнул Чистяков.

Секунды, в течение которых наводчик, старший сержант Хлебников, ловил в прицел амбразуру, а заряжающий Вася Манихин бросал в казенник снаряд и гильзу, растянулись до бесконечности.

У гаубицы раздельное, слишком медленное заряджение. Противотанковая пушка калибра 75 миллиметров способна выпускать свои снаряды каждые пять-семь секунд плюс несколько секунд на поправку прицела.

— Быстрее, — почти стонал механик-водитель Матвей Колесник.

Орудие наконец выстрелило. Расчет «семидесятипятки» наверняка бы опередил самоходку, но, скорее всего, был контужен двумя взрывами фугасных снарядов, выпущенных самоходкой Михаила Щукова. Горевшая машина лейтенанта спасла своих товарищей, дав им время прицелиться и сделать точный выстрел.

Снаряд взорвался, отколов угол амбразуры. Пламя и взрывная волна хлестнули в глубину бетонной коробки, сорвав со станка пушку, раскидав расчет. Спасаясь от огня и дыма, в заднюю дверь успели выскочить двое артиллеристов. Остальных смяло и сплющило, а к телам подбиралось пламя от горевшего хламья и снарядных ящичков.

«Тридцатьчетверки» разбили одну из пушек в капонире. Для этого пришлось вложить с десятков